

Алексей Сахнин*

Демократия и революция

От демократической диктатуры Советов к советскому авторитаризму большевиков

Взятие Зимнего дворца в Петрограде

В академической историографии русской революции тема баланса демократии и диктатуры стала одной из центральных. Либерально-консервативные историки рассматривали события 1917 года как «тоталитарную революцию», а большевиков как пионеров и творцов тоталитаризма: «Тоталитарная партия — изобретение русских большевиков... именно партия как институт развила потенциальные возможности тоталитаризма, заложенные в русской революционной ситуации»**.

Но уже в 1970-е либерально-консервативный консенсус относительно «тоталитарного» содержания революции был преодолен историками «ревизионистского» направления. Советолог Шейла Фицпатрик, подводя итог их исследований, сформулировала двигавший этими историками мотив: «Растущий интерес к Гражданской войне как формирующему опыту связан со стремлением найти новое объяснение происхождению сталинизма — вместо «первородного греха» (пользуясь выражением Моше Левина),

*Историк, социолог, кандидат исторических наук.

**Daniels R. V. *Russia. Englewood Cliffs, 1964. P. 8—9.*

теоретических установок «Что делать?» обратиться к реальным обстоятельствам первого года нахождения большевиков у власти». Исследователь приходит к выводу, что трагические обстоятельства Гражданской войны во многом «подтолкнули большевиков в направлении, которое они в ином случае никогда бы не выбрали».

Ряд историков убедительно продемонстрировали противоречивое сочетание внутри самого большевизма демократических и авторитарных аспектов. Но вопрос, существовали ли причины и основания для становления и роста авторитаризма за пределами РСДРП(б), практически не ставился. Не были ли демократические и авторитарные тенденции разными сторонами или этапами одних и тех же социальных процессов? Не содержала ли сама демократия диктаторских элементов, своего рода «темной стороны», по выражению философа Михаила Лифшица?

Советская демократия

В 1917 году большевики оставались плюралистической партией с развитой демократической процедурой и полной свободой внутренней дискуссии, они оказались именно той политической силой, которая сделала ставку на максимальную демократизацию страны.

Демократизм большевиков заключался не только в риторике, но и в политической программе, основанной на требованиях большинства («популистской», сказали бы сегодня) и сформулированной в виде знаменитого лозунга «Мир — народам! Земля — крестьянам! Фабрики — рабочим!». А главное, именно большевики последовательно выступали за радикальную политическую реформу: передачу всей власти в стране от никем не избранного и ни перед кем не ответственного Временного правительства и его органов — Советам.

В течение 1917 года Советы превратились в самую массовую и представительную организацию страны: к концу осени они представляли до половины населения, то есть гораздо больше, чем любые другие представительные органы (земства, думы и т. д.) вместе взятые. Но большевики увидели в них нечто гораздо большее, чем просто массовые организации.

Советы возникали стихийно, как органы самоорганизации городских рабочих и солдат начиная с первых дней Февральской революции. А уже весной 1917 года это движение охватило и сельскую Россию. Каждое предприятие (а на крупных заводах даже каждый цех), каждое воинское подразделение и многие

Долгая жизнь социальной революции

сельские населенные пункты на общих собраниях выбирали представителей, которые делегировались в Совет городского, районного или регионального уровня. Затем Советы регионов объединялись, формируя общие органы. Делегаты Советов постоянно переизбирались и находились в непосредственной связи со своими избирателями и выражали их настроения и мнения. Советы выступали как последовательно демократические организации.

Но если умеренные социалисты, которые сначала получили преобладающее влияние в Советах, рассматривали их как дискуссионный форум или массовую общественную организацию, то большевики почти с самого начала стали вырабатывать принципиально иной подход к этому институту.

Уже 27 февраля 1917 года руководящий орган большевистской партии — Русское бюро ЦК РСДРП — выпустил листовку с обращением к столичным рабочим: «Приступайте немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты. Их представители составят Совет рабочих депутатов, который... создаст временное революционное правительство». Таким образом, за два месяца до ленинских «Апрельских тезисов» большевистское руководство выступило за

то, чтобы революционное правительство формировалось Советами и несло перед ними ответственность. Позднее Ленин превратил это требование в стройную и амбициозную концепцию «государства нового типа, государства-коммуны».

В соответствии с разработанной весной-летом 1917 года Лениным теорией государства в эпоху революции Советы рассматривались как новая форма организации общества, идущая на смену бюрократическому государству. Ленин считает, что Советы смогут стать политической формой, в которой массы возьмут в свои руки все ключевые вопросы: производство, потребление, организацию обмена, общественный порядок и т. д., обходясь при этом без обособленного от народа бюрократического и полицейского аппарата. Ленин подчеркивает, что эта форма будет уже «не вполне государством», приближаясь к общему для марксистов и анархистов антигосударственному идеалу. Он пишет, что необходимо «разбить старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество». Ленин критикует оппонентов из умеренных партий именно за стремление избежать коренного переустройства государства на началах последовательной демократии.

Большевистский лозунг «Вся власть Советам!» получил огромную популярность. Массы видели, что либерально-социалистическое Временное правительство не собирается проводить радикальных социальных реформ или заканчивать надоевшую всем войну. Доверие которванным от народа и ни перед кем не отвечавшим столичным политикам, да и ко всему государственному аппарату, унаследованному революцией от царской империи, стремительно падало. Под давлением все более радикальных настроений снизу Советы все больше и больше переходили под влияние большевиков.

Партия и Советы

Среди критиков авторитаризма большевиков слева, а также в академической историографии ревизионистского направления весьма распространена идея, что основным политическим содержанием Гражданской войны в России стало подавление демократических завоеваний революции, в первую очередь Советов, фабрично-заводских комитетов и т. п., центральной государственно-партийной властью.

Для такой оценки есть очень серьезные основания. Большевики начали с прямого разрыва с достижениями «буржуазной демократии», такими как Учредительное собрание и другие органы представительной демократии, многопартийности. Но очень быстро это повлекло за собой конфликт с теми структурами, которые они сами считали формами демократии, социалистической и классовой.

Злоупотребление большинством: всевластие исполкомов и правительства. Уже II съезд Советов, взявший власть в свои руки, находился практически под полным контролем большевистского большинства. Новое правительство формально было органом исполнительного комитета съезда (ВЦИК) и несло перед ним ответственность. Но в самом ВЦИК было 62 большевика, 29 левых эсеров, шесть меньшевиков-интернационалистов, три украинских социалиста и один эсер-максималист. Такое преобладающее большинство позволило руководству партии обеспечить почти автоматическое прохождение своих декретов в советский парламент.

Поначалу это вызывало возмущение и протесты даже со стороны большевистской фракции ВЦИК. Например, член РСДРП(б) Юрий Ларин поднял вопрос о самоуправстве правительства на заседании ВЦИК уже 4 ноября 1917 года. Его поддержала фракция левых эсеров. Острый институтальный конфликт между ВЦИК и Совнаркомом продолжался весь ноябрь 1917-го, периодически вспыхивая и позднее.

Главным защитником идеи приоритета ВЦИК перед правительством до июля 1918 года были левые эсеры, которые на протяжении трех месяцев делили с большевиками правительственную власть. Их партийная фракция направляла в Совнарком протесты против декретирования законов и принятия решений без согласования с советскими органами.

В первые месяцы после Октября левым эсерам и другим сторонникам подотчетности правительства Советам удавалось добиваться некоторых успехов. Например, условием вхождения левых эсеров в советское правительство в декабре 1917 года стал подписанный большевиками «Наказ о взаимоотношениях ВЦИК и Совнаркома», в соответствии с которым ни один серьезный шаг правительства не мог быть осуществлен без одобрения ВЦИК. Но со временем тотальное преобладание большевиков все же превратило ВЦИК в «фиговый листок» большевистской власти (как выразилась Елена Стасова).

Ограничения многопартийности и чистка Советов; фальсификации выборов; репрессии. Ключевым фактором, подорвавшим реальную самостоятельность и суверенитет Советов, стала политика ограничения (а впоследствии и запрет) небольшевистских социалистических партий. Многие большевистские лидеры вполне осознавали угрозу. Так, Виктор Ногин говорил, что без компромисса между советскими партиями «сохранение чисто большевистского правительства... ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и разгрому революции и страны».

Первый шаг в этом отношении, однако, сделали умеренные социалисты, когда ушли со II съезда Советов. Их активисты остались работать в Советах на местах, но оказались очень слабо представлены в центральных советских учреждениях.

Среди умеренных социалистов не было единства по отношению к Советам после Октября, что негативно влияло на работу актива этих партий в Советах. В мае-июне 1918 года многие лидеры эсеров и меньшевиков поддержали восстание Чехословацкого корпуса и создание антибольшевистских режимов в Сибири на Урале. В ответ ВЦИК 14 июня 1918 года принял решение исключить эсеров и меньшевиков из состава Советов всех уровней. Хотя в ноябре 1918-го меньшевикам вновь было разрешено участвовать в советской работе, а партия эсеров была легализована в 1919 году, добиться влияния в Советах, за отдельными исключениями, им больше никогда не

Рабочие, отбившие у войск Керенского броневик «Лейтенант Шмигт», 1917

удавалось. Хотя меньшевики в 1920 году получили хорошие результаты на пере-выборах Советов, развить свой успех они не смогли: большевистское правительство ответило репрессиями.

Самым трагическим образом закончилась работа в Советах для левых эсеров. Партия левых социалистов-революционеров (ПЛСР) считала советскую демократию одним из важнейших завоеваний революции и в целом разделяла ленинское видение Советов как новой формы постгосударственной организации общества. В партии господствовал настоящий культ Советов.

Именно под давлением левых эсеров большевики шли на уступки, признавая приоритет советских органов над правительством. Но правительственный союз партий закончился в марте 1918 года, когда ПЛСР отказалась признавать Брестский мир, на котором ульгимагивно настаивал Ленин.

Хотя отношения левых эсеров с центральной большевистской властью становились все хуже, на местах (включая Петроград) партии продолжали тесно сотрудничать в Советах и в ответственных перед ними региональных исполнительных органах, таких как Северная трудовая коммуна в Петрограде.

Перелом произошел на V съезде Советов, где левые эсеры рассчитывали получить большинство. Но из 1035 делегатов этого съезда у ПЛСР оказалось лишь 269 мандатов, а у большевиков

— 678. Руководство ПЛСР заподозрило фальсификацию выборов (возможно, их подозрения были справедливыми). Оно обжаловало 399 большевистских мандатов. Но дело не успели разобрать: случился так называемый левозеро-вский мятеж. ЦК левых эсеров организовал убийство немецкого посла Мирбаха в надежде спровоцировать разрыв Брестского мира, который они считали изменной революцией. Левозеро-вские отряды заняли почту и телеграф, арестовали главу ВЧК Дзержинского. Большевики восприняли это как мятеж, хотя плана проводить восстание у ПЛСР в действительности не было.

Левозеро-вская фракция съезда была в полном составе арестована. Начался процесс изгнания левых эсеров из Советов на подконтрольной большевикам территории. Организованной советской оппозиции большевикам в масштабе страны практически не осталось.

Комбеды против Советов. Практика роспуска Советов. Очень важным фактором в подрыве власти Советов на низовом уровне, особенно в деревне, стала большевистская политика внесения раскола в крестьянство, выразившаяся в создании комитетов бедноты (комбедов).

Комбеды были декретированы ВЦИК в июне 1918 года как ответная мера на кризис хлебозаготовок. Создание комбедов преследовало двоякую цель: с одной стороны, решалась прикладная

ИЗ

задача получения хлеба для голодающих городов, а с другой — большевики осознанно стремились внести раскол в крестьянство, укрепив в нем свою социальную базу.

С самого начала при создании комбедов не было никакой ясности относительно их взаимоотношений с Советами. На практике это привело к массовым конфликтам между комбедами и сельскими Советами (в которых преобладали крестьяне-середняки). Комбеды часто выходили за пределы своих полномочий и попросту разгоняли Советы. Военные и партийные органы, а также вышестоящие советские органы, контролируемые большевиками, попустительствовали этому. В итоге во многих областях советская власть уступала место диктатуре большевизированного бедняцкого актива.

Например, в августе 1918 года Московский губернский съезд комбедов, созванный по инициативе большевиков, постановил: «Там, где Советы превращаются в оружие эксплуатации трудящихся, попадают в руки кулацких сил деревни, комбеды должны взять власть в свои руки». Аналогичные решения принимались в десятках губерний и уездов. В других местах в деревне возникало двоевластие, но поддержка власти превращала комбеды в чрезвычайные органы с неограниченной властью, подкрепленной вооруженной силой. Противостоять этому Советы чаще всего не могли.

Будучи частью политической культуры, построенной на противоречиях, насилии и подавлении, большевики легко отступали от демократической буквы во имя, как им казалось, самого духа революционной демократии

В июле 1918 года на Тамбовском губернском съезде комбедов 398 из 411 депутатов были большевиками. Это было воспринято как успех, и съезд выдвинул лозунг «Вся власть — нашей партии». В итоге собравшийся губернский съезд Советов был на 100% большевистским, но мало отражал настроения крестьянства. Впрочем, это не помешало ему декретировать «в пределах Тамбовской губернии диктатуру РКП(б) и комбедов» и ходатайствовать перед ВЦИК об объявлении «верховой диктатуры РКП(б) по всей территории РСФСР». В результате политика «диктатуры нашей партии» привела в 1918–1921 годах к ряду мощных крестьянских восстаний в Тамбовской губернии, проходивших под лозунгом «За Советы без коммунистов».

В других регионах ситуация была не столь острой, но аналогичные тенденции тоже имели место. Власть была на грани прямого конфликта с большинством крестьянства. В ноябре 1918-го VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов принимает решение ограничить посягательства комбедов на власть и подтверждает конституционные полномочия Советов.

Коммунисты тоже пытаются найти компромисс. В марте 1919 года VIII съезд РКП(б) принимает решение, что коммунисты должны «руководить деятельностью Советов, но не заменять их». Партия пытается остановить практику

разгона Советов. Вместе с тем установка на тотальное преобладание коммунистов в Советах сохранялась. «РКП должна завоевать для себя безраздельное политическое господство в Советах и фактический контроль над всей их работой», — гласила резолюция съезда.

В условиях политической монополии РКП(б) не просто вращалась в государственную систему, но постепенно превращалась в ее основу.

Произвол партийных организаций, изгнание из Советов оппозиционных партий, растущий контроль за работой советских организаций со стороны коммунистов, фактическая отмена свободных выборов и замена их назначением сверху стали причиной появления в ряде случаев «параллельных Советов». Самым известным примером стало собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда в марте–июне 1918 года.

Созданное на основе прямого делегирования от предприятий, как и Советы, собрание уполномоченных заняло умеренно оппозиционную позицию по отношению к большевистским властям города. Оно видело свою цель в восстановлении нарушенных принципов революционной демократии и, в принципе, признавало советскую систему. Собрание даже попыталось отправить свою делегацию на проходивший в Москве IV съезд Советов. Но руководство съезда отказалось признать эту делегацию и предоставить ей слово.

После проведения в Петербурге организованной собранием забастовки власти разогнали его. Практически все подобные органы, возникавшие в годы Гражданской войны, постигла подобная участь: они были насильственно разогнаны «диктатурой пролетариата».

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что большевистские власти действительно предприняли целый ряд шагов, подорвавших основу советской демократии. Причем только часть этих шагов может быть объяснена обстоятельствами Гражданской войны. Другие были следствием доктринальной убежденности большевистского руководства в примате «содержания» классовой борьбы (экономический централизм, победа над «мелкой буржуазией» и ее партиями и т. д.) над ее «формой» (то есть Советами).

Темная сторона демократии

Требования честных выборов в Советы с допуском всех социалистических партий оставались популярными вплоть до начала 1920-х. В 1920–1921 годах, после победы красных на большинстве фронтов Гражданской войны, когда положение страны несколько облегчилось, произошло некоторое оживление рабо-

чего движения. Историк Саймон Пирани показывает, что в Москве беспартийные рабочие хотели и могли участвовать в разных формах партисипативной демократии, делали попытки оживить Московский Совет, но столкнулись с жестким противодействием большевистских партии и правительства. В еще большей степени с ним столкнулись повстанцы «третьей волны», выступавшие под лозунгами свободных Советов в Кронштадте, на Украине и Тамбовщине.

Но в этой драматической истории борьбы демократии с диктатурой все равно чего-то не хватает. Ведь даже большевизированные Советы долгое время чувствовали себя вполне полноправными органами и ревниво охраняли свои полномочия если не на политическом, то на самоуправленческом уровне. Секретарь Петербургского комитета РКП(б) Петр Заславский жаловался: «Советы часто обнаруживали большое желание стать выше партии, и ни один председатель Совета не терпит партийного контроля над действиями президиума».

Для того чтобы понять, как крах советской демократии стал возможен, стоит присмотреться к тому, что Михаил Лифшиц называл «темной стороной демократии». В тех особенностях этой демократии, которые делали ее очень восприимчивой к авторитаризму, насилию и нетерпимости, но которые не были напрямую связаны с централистскими притязаниями коммунистов.

Уже зимой 1917–1918 годов начался процесс бюрократизации Советов. Стремясь справиться с управленческими задачами, Советы стремились использовать и даже инкорпорировать в свою структуру существовавшие законодательные, административные (управы, думы, земства) и даже полицейские институты вместе с их прежними сотрудниками.

Показателен пример с финансовой секцией Совета Первого городского района Петербурга. Если до октября 1917-го в ней не было постоянно оплачиваемого персонала, а общий месячный бюджет районного Совета колебался в пределах четырехсот рублей, то уже к январю 1918-го, когда он превратился в полноценный орган местной власти, финансовая секция Совета должна была управлять месячным бюджетом в шестьсот тысяч рублей. Это вызвало необходимость нанять компетентных сотрудников на полную ставку. К маю 1918 года Совет Первого городского района создает до двух десятков подобных секций и отделов с наемным персоналом: жилищный, канцелярский, юстиции и т. д.

С началом Гражданской войны многие Советы столкнулись также с тем,

что их наиболее активные выборные члены постоянно мобилизовывались в ряды Красной армии или в центральные органы власти. В результате полномочия концентрировались в руках наемных сотрудников, администраторов, клерков и технических работников — вместо выборных социальных лидеров. Парадоксальным образом пик независимости и полновластия Советов на местах совпал с ослаблением их демократической представительной функции и высокой степенью бюрократизации этих органов.

Другим проявлением «темной стороны» демократии стали массовые случаи административного произвола, часто сопряженные с применением насилия, которые происходили по инициативе снизу.

Весной 1918 года сельские и волостные Советы стали вводить местные налоги, чтобы изыскать средства для своей работы. Представители бедных крестьян стремились перенести и тяжесть налогового бремени на кулаков. Это вызвало острую борьбу. Например, после того как соответствующее решение принял Совет села Ризодеево в Нижегородской губернии, вооруженные кулаки попро-

сту разогнали его силой. В сотнях аналогичных случаев богатые крестьяне добивались роспуска текущего состава Совета и формирования нового, лояльного деревенской верхушке. Это, в свою очередь, вызывало яростную реакцию бедноты, которая также прибегала к насилию (часто при помощи большевистских властей).

Разумеется, такого рода конфликты подрывали демократическую процедуру и создавали обстановку, когда вопрос мог решаться только оружием и принуждением. Причем запрос на эти авторитарные решения и методы часто исходил снизу.

Третий аспект проявлений «темной стороной» революционной демократии был связан с проявлениями абсентеизма, политической усталости масс, равнодушием к участию в демократическом процессе. Причем эта пассивность, лишавшая демократическое строительство базы, возникла в самых разных, порой противоположных обстоятельствах.

С одной стороны, уже зимой 1917/18 года нарастает число сообщений о том, что хозяйственная разруха, угроза голода, безработица вызывают в массах апатию и приводят к спаду революционного

Солдаты на фронте радуются известию о прекращении огня

движения. В годы Гражданской войны, когда миллионы трудящихся вынуждены были буквально бороться за выживание, упали показатели не только участия в политической жизни и интереса к ней, но и самые базовые демографические показатели рабочего класса, который сократился почти наполовину.

С другой стороны, политическую демобилизацию широких масс вызвала и относительная нормализация социально-экономической обстановки. Саймон Пирани цитирует выступления рабочих уже в период нэпа: рабочие признаются, что они «политические лентяи», которые «мелочами домашними занимаются и на собрания лентяи ходить». Подъем экономики в начале 1920-х стал одним из факторов этой политической демобилизации рабочего класса, который смирился с предложенным ему большевиками социальным контрактом: рост благосостояния в обмен на лояльность и подчинение. Советская самоуправленческая демократия во многом оказалась «демократией голода» — как только вопросы выживания ушли из повестки дня, часть народа остыла к повседневному самоуправлению.

Заключение

В исторической драме такого масштаба, как русская революция, очень трудно подвести однозначный баланс, распределив действующих героев, их мотивы и действия, факторы, под которыми они принимали или иные решения, между полюсами добра и зла.

Большевики пришли к власти на волне огромного демократического движения, когда миллионы людей организовались для участия в политике. Они сами воспринимали себя как сторонников радикальной демократизации общества и действительно стремились к ней. Но эта демократизация не могла осуществляться в соответствии с идеальными представлениями о демократических процедурах. Оно часто выливалось в прямое столкновение.

Советы были одной из наиболее осязаемых форм демократии, которая в своей утопической форме выходила далеко за горизонт классового, иерархического и организованного в государство общества. Но в конкретных исторических обстоятельствах России столетней давности сами Советы не могли осуществлять свою демократическую власть в утопически чистых формах. Они строи-

ли свой аппарат, процедуры и политику исходя из социальных интересов, идейных и культурных представлений и вообще политической культуры, носителями которых были сами участники советского движения. И это иногда приводило их к запросу на патерналистские, авторитарные и прямо насильственные методы управления. Или, по крайней мере, заставляло пасовать перед этими методами.

В свою очередь, для большевиков социальные задачи революции казались важнее, чем формы и средства, с помощью которых они могут быть достигнуты. Будучи частью той же самой политической культуры, построенной на глубоких противоречиях, насилии и подавлении, они легко отступали от демократической буквы во имя, как им казалось, самого духа революционной демократии.

Превращение свободы в диктатуру было, как это ни прискорбно, диалектическим процессом раскрытия самой этой «авторитарной демократии». Этот демократический авторитаризм выступал в качестве воли к разрыву цепей исторической необходимости. И в то же время был ее заложником. ■

